

По следам сенсации

Рос. 243 - 1993 - 31 июля - с 14

Из очерка Г. Стукаловой "Один офицер по фамилии Родионов..." ("Огонек", № 17) мы узнаем, что роль очередного (и уже которого по счету!) претендента на авторство великой эпопеи может с успехом сыграть некий земский начальник.

И вот вроде бы остывшие угли прежних дискуссий на наших глазах вновь затеплились, зарозовели... Огнем, это, пожалуй, не назовешь. Дымом, однако, все же появляется. И тонкий нос любителей сенсаций сразу различает: ага, опять запахло "жареным"! Приводится свидетельство современника, якобы слышавшего в авторском чтении отрывки из романа "Тихий Дон", написанные еще за несколько лет до начала первой мировой войны. Но причем тут Лев Толстой? - спросит читатель. Г. Стукалова отвечает на этот вопрос без всякой уклончивости: "связь с Толстым была у Родионова самая что ни на есть прямая"... Но буквально из следующего абзаца явствует, что по невыясненным причинам молодой писатель даже не был принят Толстым...

Оставим в покое тень великого яснополянского старца и зададимся вопросом по существу: что же заметного сделал, однако, в литературе И. Родионов, чтобы спустя десятилетия быть выдвинутым на роль автора романа, потрясшего читателей во всем мире?

В 1909 году И. Родионов выпустил книгу «Наше преступление. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни», которая, как уверяет Г. Стукалова, «пользовалась успехом». Стоило бы добавить — скандальным, и потому получила резкие оценки демократической критики.

Один из критиков приводит такой характерный диалог из нее: «Послушаешь вас — народ, выходит совсем зверь. — Помноженный на скота. — Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда же».

Г. Стукалова цитирует слова И. Родионова из предисловия к книге, весьма показательные для умонастроений ее автора: «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться». А дальше? Приходится изумляться воистину младенческой наивности Г. Стукаловой-исследовательницы: у И. Родионова изображаются «пьянки и драки среди деревенских мужиков», а по-скольку сходные сцены есть и в «Тихом Доне», то вот вам еще один камень в фундамент построенного здания доказательства авторства И. Родионова.

Как тут не заметить такую «мелочь» — и по тональности, и по концепции народной жизни «Наше преступление» и «Тихий Дон» не только различны, но и противоположны. И. Родионов не верит в народ, в его способность, в нравственное самовозобновление. М. Шолохов беспощаден в своей правдивости изображения народа, но видит он и

мудрую поэзию народной жизни, ее трудовую первооснову, и именно в крестьянской среде находит бескомпромиссного пристрастного, в ком с невиданной силой предстает перед нами «очарование человека».

Что же касается «Нашего преступления», то Горький, назвав эту книгу «злой и темной», сказал, что ее автор призывает «водворить мир посредством виселицы».

Отметим попутно и такую подробность, характеризующую личность И. Родионова, красноречиво описывая кровавые драки среди «мужиков», земский начальник проявил в делах подобного рода, так сказать, личную компетентность. За избиение крестьян Родионов привлекался к уголовной ответственности.

Вряд ли стоит утомлять читателя дальнейшим доказательством полной несостоятельности «концепции» Г. Стукаловой. Видимо,

чувствуя недостаточную прочность таковой, редакция в подкрепление печатает подборку документов, обнародованных супругами А. и С. Макаровыми в книге «Цветок-татарник» (К истокам «Тихого Дона»), снабдив их подзаголовком «Структура заимствований в «Тихом Доне». Еще одну публикацию Макаровых

Читал ли Лев Толстой «Тихий Дон»?

см. в последних номерах журнала «Новый мир» (№ 5, 6). Во вступительной заметке к подборке говорится о том, что в романе использованы воспоминания генералов А. Деникина, А. Лукомского, П. Краснова... Эти и другие источники обнаружены давно и охарактеризованы шолохововедами, например В. Гурой в монографии «Как создавался «Тихий Дон», причем у профессиональных то литературоведов использование Шолоховым подобных материалов не вызвало никаких сомнений в главном: в праве писателя оставаться автором эпопеи.

Как тут не вспомнить признание автора «Войны и мира»: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг».

Буквально несколько слов об общей природе так называемых «заимствований». Вспомним хрестоматийно известные пушкинские строки «храните гордое терпенье». Пушкинские? Но они принадлежат Дельвигу! И примеров таких множество. В науке возник даже тезис об особом поэтизме Пушкина, то есть о поразительной способности оплодотворять свое творчество опытом и находками других авторов. Да, гениальнейший из русских поэтов шел от

«самой жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

Оспаривая авторство Шолохова, оппоненты особый упор делают на то, что «Тихий Дон» — роман о казачестве. Более того, книга, по утверждению Макаровых, якобы приобретает характер «летописного рассказа современника». А коль это так, то в качестве «прочного, непоколебимого доку-

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

Рисунок О. Верейского.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

ментальной жизни», но одновременно пользовался и накоплениями художественного сознания коллег, крупицы чужого опыта не только удивительно органично включая в собственный текст, но и обогащая силой своего гения.

Вадим БАРАНОВ,
доктор
филологических наук.